

Зигмунт ХЮБНЕР СТАВИТ ШЕКСПИРА...

Шум начинается еще до открытия занавеса. Зрители переглядываются, следя за волнующимися складками бархата. Удивленно возрастет, когда занавес раздвигается и на маленьком помосте, поставленном посреди большой сцены вахтанговского театра, располагаются бравае пожарные, как и положено, с пышными усами, остроносыми касками и медными трубами.

Пока дирижер маленького оркестра непринужденно приветствует кого-то из знакомых в зале, пока музыканты лагстраивают свои ослепительные инструменты, мы, зрители, получаем несколько полезных советов, вроде: «Пожар хуже вора», «Верните детей от игры с огнем». А еще откуда-то сверху спускается плакат на веревочках, из которого мы узнаем, что будем смотреть «Укрощение строптивой» — пьесу, написанную неким Шекспиром, в исполнении любительского коллектива пожарников из города Окурова.

Итак, комедия «Укрощение строптивой» и интерпретация Старого театра имени Хелены Моджесвской из Иракова.

Музыка грянула, ритм вят, спектакль понесся вперед.

Поскольку представление нам показывают «любители», следует полное смешение костюмов и стилей: Гортензио (Ильзинеж Качор) щеголяет в античной тунике и колготках, которые морщатся на коленях, длинный Люченцо (Ян Новицкий) предстает во фраке, а его маленький слуга Транно (Тадеуш Квиита) — в штанах с буфами и сверкает голыми лодыжками. Представляете, что выходит, когда влюбленный в Бьянку Люченцо меняется со слугой одеждой, чтобы проникнуть в дом Баптисты. Транно натягивает на себя огромный для него фрак хозяйина и, чтоб не путаться в фалдах, подтягивает их вперед. Получается темная юбка, которой он прикрывает голые ноги.

И каждый раз мы бу-

дем вздрагивать от неожиданности, когда на сцену выйдет новое лицо. Будь то Баптиста (Марина Ясжембек), одетый в очень цветастый халат с драпой кошкой, имитирующей шелковистый мех на шее. Или же дочь его Бьянка (Ева Цепелл), особа с ханжески прелестным лицом, семенящей походкой и разноцветными перьями, воткнутыми в чепчик.

Венец всех превращений — конечно же, Петруччо (Войцех Пинютик). Красавец в шлеме римского легионера, подпоясанным трико циркового борца и плаще неясного происхождения. Как он играет мускулами, как демонстрирует красоту ног и лучезарность белоозубой улыбки! Его прямо тянет на авансцену — поближе к зрителю, к аплодисментам. Впрочем, он не забывает, что сцена сценой, а основная работа все-таки главное.

И в миг один во мне любовь загляла, — говорит он Катарине при первом свидании и при этом очень деятельно

водит указкой по противопожарному плакату.

Все это очень забавно, и актеры смеются над пеленым видом друг друга. Они хохочут так же искренне, как и зрители. Идет своеобразный спектакль в спектакле. И он переполнен шутками и проказами.

И только? О комедиях Шекспира принято говорить, что мысль, заложенная в них, настолько богата, что дает возможность для самых различных трактовок. Так неужели же Зигмунт Хюбнер, режиссер спектакля, ограничивается только этим шутливым пересказом Шекспира? Неужто здесь только улыбка?

Начнем с того, что постановщик очень чутко относится к атмосфере каждого из эпизодов. Правда, средства, которыми Хюбнер пользуется, настолько не традиционны, что поначалу воспринимаются как чисто развлекательные элементы.

Сад в доме Баптисты. Сверху, с колосников, спускается цветной задник, имитирующий живую природу. Абсолютно плоская перспектива. Натуральные деревья. Части этого задника не совпадают друг с другом, поэтому все криво.

На этом нарочито нелепом фоне действуют такие же нелепые актеры (надо сказать, что персонажи Шекспира тоже разыгрывают чужие роли). Но актеры профессиональные по возможности сделали бы неестественность своих героев невидимой для зрителя, а эти «любители» не умеют, да и не хотят — ведь они и так считают себя верхом совершенства.

И мы присутствуем прямо-таки на фестивале нелепости: дикий диалог, манерных разговоров, парочитых пейзажей.

И вот в этом нелепом сыгранном мире появляется... хулиганка. Да,

иного слова не подберешь для Анны Полони, исполняющей роль Катарини. Это сварливая девица с плоскими ступнями, которыми она припечатывает пол, дергающейся походкой (плечо вперед) и огромным ртом, открывающимся только для того, чтобы сказать очередную гадость отцу и окружающим ее лицам.

Катарина тоже нелепа и тоже принадлежит к этому выдуманному миру, но она естественна, и это сразу же выделяет ее из общего круговорота, несмотря на все ужимки и выходы.

Появляется Петруччо. Катарина тихонько визжит от радости, что этот герой, боксер, красавец будет ее мужем. Он вроде не похож на остальных. Она, конечно же, пикируется с ним, говорит колкости, дает ему по уху (скорее, по привычке, чем защищая свое достоинство), но все ее существо тянется к нему. И когда она застревает где-то между перилами, то только тихонько пошекивает, когда Петруччо вывозит ее.

Первый спор Катарини и Петруччо построен режиссером таким образом, что можно рассматривать его по-разному: то ли как спор персонажей комедии, то ли как спор за место на авансцене между «самодельными» актрисой и актером, каждому из которых очень хочется быть первым. В тот момент, когда отходит на задний план актриса, притихает и хулиганка Катарина.

Она согласна быть покорной, только бы Петруччо ее любил и не мучил своей нелепостью.

Но красавец мужчина не понял этого, в его немудрой системе красивых поз и слов нет места Катарине, вернее, есть место, но Катарине покорной.

Последний раз жизнерадостно прораспевает Катарина на слова Пет-

руччо: «Идем, я в спальню отведу тебя». Бросится ему на шею с припевом тра-ля-ля. И все. Мелкие нелепые придирки Петруччо, то, что он заморил ее голодом и она потихоньку будет таскать с тарелки, сделают свое дело.

Вулкан уйдет внутрь. И в финальной сцене она будет говорить о покорности жен с такой ненавистью, что весь этот монолог не обещает счастья Петруччо.

Подойти к проблематике через розыгрыш, через буффонаду, но не утратить содержания, а показать его обновленным, свежим, неожиданным — таков замысел этого интересного представления. Что же, это не так уж противоречит замыслу Шекспира, как может показаться на первый взгляд.

Вспомните, что у Шекспира все «укрощение» — только розыгрыш, спектакль парочитый, показанный ограниченному кругу.

Но весь этот нелепый, буффонный мир не только смешон. Он приводит к столкновению с естественными сильными чувствами Катарини, тоже по своему нелепой, смешной, но чувствующей окружающую ее неестественность.

И когда обыватели XVII века, сыгравшие современными актерами из Иракова, пытаются исправить строптивую Катарину, из этого проку не получается. Таков итог представления.

Радостно - театральный спектакль, поставленный Зигмунтом Хюбнером в содружестве с художниками Лидией Минтич и Ежи Скаржиньски (музыкальное оформление Леслава Лиц), кончается песней пожарников.

И те зрители, которые увидели и спектакль просто веселое театральное зрелище, тоже уходят довольные. А ведь это не так мало? Е. БОРИСОГЛЕВСКАЯ.